

Реморов Н.И.

**На ниве народной:
Воспоминания, наблюдения и
заметки школьного учителя**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н11

Н11 **Н.И. Р.**
На ниве народной: Воспоминания, наблюдения и заметки школьного учителя
/ Реморов Н.И. – М.: Книга по Требованию, 2022. – 124 с.

ISBN 978-5-519-80576-6

ISBN 978-5-519-80576-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Изъ писемъ къ друзьямъ.

I.

Любезный другъ!

... Десять часовъ вечера. Вихремъ несется за окномъ снѣжная мятель, застилаяетъ она путь — дорожку въ наше глухое село, ставитъ сугробъ на сугробъ и загораживаетъ отъ свѣта Божьяго наши утлыя деревенскія избенки. Порывистый вѣтеръ со стономъ и свистомъ завываетъ въ трубъ, пробивается въ каждую скважинку, въ каждую щелку стѣны... Изрѣдка слышенъ однообразный, похоронный благоговѣстъ церковнаго колокола, предупреждающій объ опасности каждого, кому въ такое ненастье случилось быть въ дорогѣ. На улицѣ никого не видно, темно, — ночь, какъ говорятъ, хоть глазъ коли. Крестьяне, давно уже поужиनावъ, спятъ; только невдалекѣ гдѣ-то воютъ собаки, чуютъ, вѣроятно, что «сѣрый» бродитъ по задворкамъ. Жутко въ такую ночь и व्यогу быть на улицѣ, а еще хуже быть теперь въ полѣ, среди разыгравшейся метели...

Въ моей небольшой школьной хатѣ, при свѣтѣ тусклой лампы, очень холодно; но дѣлать нечего: надѣлъ тулупъ, валенки... Надобно еще поправить тетрадки «старшихъ», да обдумать на завтра планъ урока съ «младшими»... Мясоѣдъ небольшой — необходимо поспѣшить!..

... Ненастье, холодъ и голодъ какъ-то особенно тяжело теперь давятъ на мое сердце, невольно заставляя углу-

биться въ себя и поразмыслить: что собственно такое составляю я въ обществѣ? какую пользу приношу на этомъ свѣтѣ? Что такое вообще народный сельскій учитель—я, ты или другой кто-либо изъ моихъ собратьевъ?... Задавалъ ли кто-нибудь изъ насъ такой простой вопросъ себѣ? Думалъ ли кто сознательно о своемъ назначеніи въ жизни?..

А мнѣ какъ-то невольно сейчасъ вспомнился и послѣдній день, проведенный нами въ стѣнахъ учительскаго института, гдѣ мы оканчивали курсъ. Помнишь ли, какъ всѣ мы, выпускные воспитанники, собрались въ этотъ день въ актовъ залѣ, и здѣсь директоръ на прощанье сказалъ намъ: «вы выходите въ жизнь народными учителями и отъ васъ общество ожидаетъ многого... Учительство—далеко не обезпеченная должность: вамъ предстоитъ впереди перенести много зла и голода, и холода; но вы, не взирая на эти жизненные невзгоды, идите все впередъ и впередъ!.. Помните одно, что вся цѣль вашей жизни должна заключаться въ просвѣщеніи темнаго люда!» Помню, какъ глубоко запали тогда всѣмъ намъ въ душу эти простые слова институтскаго директора. Съ великою радостью и надеждою, что мы принесемъ—все таки посильную помощь обществу въ дѣлѣ его образованія, помчались мы на новыя мѣста нашей службы.

Послѣ всего этого—времени прошло немало. Прошелъ годъ, другой, третій... прошелъ, наконецъ, цѣлый десятокъ лѣтъ... Слышу, что многіе изъ моихъ институтскихъ товарищей перемѣнили учительскія должности на другія, болѣе выгодныя въ матеріальномъ отношеніи: кто занялся торговлей, кто поступилъ въ волостные писаря, кто—въ письмоводители къ становому приставу, а одинъ даже сдѣлался «акцизнымъ надзирателемъ»... Что за причина этого? Неприглядная ли учительская жизнь убила всякую энергію и охоту къ учительству, или другого рода причина? По моему, главная причина здѣсь та, что большинство изъ насъ не задавали себѣ никогда вопроса: что такое учитель

и какую пользу приносимъ мы обществу? Поразмыслимъ же объ этомъ немножко.

Для чего, въ самомъ дѣлѣ, нуженъ въ селѣ школьный учитель? Я знаю, что ты, быть можетъ, скажешь: «вотъ, чудакъ, нашелъ, что спрашивать! Извѣстно, что мы живемъ въ селѣ для того, чтобы учить грамотѣ ребятишекъ—читать, писать, считать»... Да, и я скажу, что у насъ это какъ будто бы главная цѣль. Да только одна ли эта цѣль? Нынѣ находится, къ сожалѣнію, немало людей, которые говорятъ, что грамота даже вредна для крестьянъ: выучившійся грамотѣ крестьянскій мальчикъ со временемъ будто бы выходитъ въ деревнѣ первымъ плутомъ и мошенникомъ, поступаетъ въ сельскіе писаря, гдѣ начинаетъ эксплуатировать своихъ же односельчанъ... Можетъ быть, такія явленія и встрѣчаются, но причина ихъ не заключается ли, главнымъ образомъ, въ томъ, что обученіемъ дѣтей грамотѣ мы часто ограничиваемъ все просвѣщеніе народа? Выучили въ школѣ ребенка читать и писать—и уже думаютъ, что дали ему образованіе, а о томъ, чтобы развить въ немъ нравственность, научить его жить по-христіански, дать ему толчокъ для самообразованія,—рѣдко кто изъ насъ думаетъ. Начнемъ хотя бы съ самаго простаго вопроса: для того ли только мы призваны работать, чтобы научить дѣвочку или мальчика читать и писать? Вѣдь учатъ же ребятишекъ грамотѣ и дьячокъ, и отставной солдатъ, и сельскія «чернички». Но, вѣдь, отъ насъ и правительство, и общество ждетъ чего-то большаго, чѣмъ простое обученіе чтенію и письму. Мы должны «просвѣщать» темный народъ, научать его сознательной, разумной жизни, а для этого намъ слѣдуетъ воспитывать ребенка въ школѣ такъ, чтобы онъ былъ со временемъ полезнымъ членомъ и общества, и государства. Нужно вспомнить, что мы живемъ среди народа темнаго, непросвѣщеннаго, что необходимо направить его на путь добра и правды, научить его сознательно относиться къ религіи, развить въ немъ правильное понятіе о Богѣ... Видишь ли, какое святое дѣло вручено намъ, и какое

обширное поле предстоитъ для нашей дѣятельности! Все это, конечно, мы, учителя, хорошо знаемъ. Если же кто сомнѣвается, тотъ спроси лучше любого сельскаго мѣжика или даже бабу: зачѣмъ они приводятъ своего сына или дочку въ школу? «Чтобы грамоту разумѣль, Бога научился почитать, былъ честенъ, не воръ, не мошенникъ, не пьяница!». отвѣтятъ они. Подумай ты, какъ много заключается въ этихъ, повидимому, простыхъ словахъ; подумай хорошенько, и тогда ты поймешь свое назначеніе. О, какъ свято и велико это дѣло просвѣщенія народа! Представь себѣ, сколько современемъ будетъ возноситься о насъ теплыхъ молитвъ къ Богу, сколько благодарностей заслужимъ мы отъ тѣхъ, кому откроемъ свѣтъ истины? Какъ можно чаще слѣдуетъ представлять себѣ это, и тогда каждый изъ насъ невольно возвысится душою и полюбитъ дѣло учительства, да такъ полюбитъ, что уже ни на какую другую дѣятельность не промѣняетъ его, — и тогда всѣ тѣ матеріальныя невзгоды учительской жизни, которыя такъ часто сокрушаютъ насъ, покажутся намъ маловажными обстоятельствами. Пусть вокругъ насъ бушуютъ мятели, воютъ голодные волки; но мы, не смотря ни на какія жизненныя «терніи», будемъ продолжать работать на нивѣ Божіей. Станемъ по-прежнему свѣтить темному крестьянскому люду, хотя бы такъ же, какъ свѣтитъ мнѣ сейчасъ моя не яркая лампа.

Ноябрь, 1889 г.

II.

Любезный другъ!

...Нужно подняться высоко духомъ, нужно имѣть много горячей любви и преданности къ дѣлу просвѣщенія, чтобы всѣ эти «терніи» нашей учительской жизни показались обстоятельствами, не заслуживающими вниманія. Я, конечно, не имѣю въ виду людей, занимающихъ учительскія должности ради матеріальныхъ жизненныхъ разсче-

товъ,—должность эта очень скудно оплачивается въ матеріальномъ отношеніи и не даетъ труженику ничего другого, кромѣ сухой корки хлѣба. Кто хочетъ найти въ этой должности порядочное матеріальное обезпеченіе, тотъ пусть лучше ищетъ себѣ другую жизненную карьеру. Чтобы быть истиннымъ народнымъ учителемъ, необходимо имѣть призваніе и любовь къ школьному дѣлу, да такую любовь, чтобы забыть для нея всѣ другія побочныя жизненныя обстоятельства. Вотъ какихъ именно людей я и имѣю въ виду для учительской должности. Трудись, работай, не взирая ни на какія жизненныя «терніи»! Правда, эти терніи бываютъ ужъ очень горьки, но не бѣда: продолжай работать! Помнишь ли,—хотя это было давно,—я получалъ тогда за учительство жалованья только 5 руб. 5 коп. въ мѣсяцъ. Ухитритесь-ка прожить мѣсяцъ на эти скудныя деньги? Но и этихъ денегъ мнѣ никогда не приходилось получать аккуратно каждый мѣсяцъ: очень часто волостной старшина по пяти-шести мѣсяцевъ къ ряду не выдавалъ мнѣ положеннаго жалованья, а если когда и выдавалъ, то удерживалъ себѣ, въ видѣ гонорара, нѣсколько рублей «на магарычи». Но и нѣсколько рублей составляли для меня большой расчетъ! Я, буквально, цѣлыми недѣлями сидѣлъ безъ куска чернаго хлѣба; о чаѣ или другомъ какомъ-нибудь лакомствѣ я уже и не помышлялъ. Одежда моя вся истрепалась, обувь избилась; приобрести себѣ новую экипировку я не могъ за недостаткомъ средствъ. Разъ,—дѣло было зимою,—пошелъ я въ волость просить у старшины денегъ. Волость находилась далеко, версты за полторы отъ школы; нужно было идти немало по лемъ, по глубокому и рыхлому снѣгу, а я былъ въ худыхъ, холодныхъ сапогахъ... Когда я пришелъ въ волостное правленіе, снѣгъ, засыпавшійся мнѣ въ сапоги, сталъ таять, и мои ноги были всѣ въ водѣ. Воротившись домой въ школу, я уже не могъ согрѣться, и къ вечеру же почувствовалъ сильную лихорадку. На другой день я уже

совсѣмъ не могъ подняться съ постели. У меня открылась сильная горячка, и я лежалъ на соломѣ, на полу своей убогой школы. Спасибо доброму школьному сторожу-старикѣ Терентьевичу: онъ одинъ ухаживалъ за мною до тѣхъ поръ, пока я не пришелъ въ себя. Цѣлыхъ шесть недѣль пролежалъ я, не будучи въ состояніи проглотить и куска хлѣба, выпить каплю воды... Да у меня и не было какой-либо другой пищи! Я такъ изсохъ, исхудалъ, что, помнишь ли, когда ты пришелъ навѣстить меня, ты не узналъ меня: я до того измѣнился, что походилъ буквально на скелетъ. Ты поѣхалъ тогда въ сосѣднее село и привезъ ко мнѣ доктора, нашего общаго знакомаго NN... Послѣдній, спасибо, оказался очень добрымъ человѣкомъ и съ участіемъ отнесся къ моему тяжелому положенію. Мнѣ какъ-то стыдно стало за себя и за школу, когда онъ сказалъ, что главная причина моей ужасной болѣзни—не столько простуда, сколько истощеніе организма отъ «недостаточнаго питанія»...

Онъ на свои деньги купилъ для меня чаю, вина, бѣлаго хлѣба и настаивалъ, чтобы я, тотчасъ же по выздоровленіи, бросилъ учительскую должность и отправился съ нимъ въ уѣздный городъ,—тамъ онъ обѣщался пріискать для меня иную, болѣе подходящую для моего здоровья, жизненную дорогу. Бросить должность учителя?—легко это сказать только со стороны, а для меня совсѣмъ невозможно. Пусть пришелъ бы ко мнѣ кто-нибудь въ школу да посмотрѣлъ бы, съ какимъ интересомъ и вниманіемъ слушаютъ дѣти исторію страданій Спасителя, какъ блестятъ слезы на ихъ маленькихъ глазенкахъ, или съ какимъ стараніемъ напрягаютъ они свои слабыя силы, чтобы разложить данное слово на составные звуки или рѣшить нетрудную задачу по счисленію! Ихъ ли, моихъ дорогихъ, бросить безъ удовлетворенія ихъ любознательности только изъ-за того, что самому плохо жить, что хочется поудобнѣе, получше устроиться въ жизни? Нѣтъ—это выше моихъ силъ! Буду ли я покоенъ

душою, живя самъ въ довольствѣ, когда тамъ, гдѣ-то въ захолустѣ, находятся тысячи «малыхъ сихъ», жаждущихъ просвѣщенія?...

А сколько разныхъ непріятностей приходится еще терпѣть намъ отъ «обывателей», не говоря уже о людяхъ, облеченныхъ извѣстною властью! Вѣдь сельскаго учителя считаютъ всѣ за «ничто»,—и кто только не издѣвается надъ нимъ?—И сельскій староста, и волостной старшина, даже простой деревенскій мужикъ—всѣ считаютъ себя выше народнаго учителя и всѣ признаютъ за собой право, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, поучить насъ, какъ надо жить и что дѣлать. Справедливо говорю, что нами не помыкаеть развѣ лѣнивый... Со стороны темныхъ людей такіе поступки еще простительны, но гораздо хуже, если такими глазами глядятъ на учителя люди болѣе и менѣе интеллигентные, мало того,—даже люди, стоящіе во главѣ мѣстнаго управленія, которые должны бы сами, въ трудныхъ обстоятельствахъ, протянуть учителю руку помощи. Невольно припоминается мнѣ такого рода случай. Пришелъ я разъ, весною, въ уѣздную земскую управу получать жалованье; мнѣ здѣсь сказали, что жалованье сельскимъ учителямъ теперь не будутъ выдавать до октября мѣсяца. Что дѣлать мнѣ? Заѣхалъ я въ уѣздный городъ за 70 верстъ отъ своего села. Нѣтъ средствъ проѣхать обратно изъ города на мѣсто службы; нѣтъ денегъ и на мѣстѣ купить кусокъ хлѣба. Положеніе мое было, дѣйствительно, очень затруднительно. Мнѣ захотѣлось лично переговорить о своемъ положеніи съ предсѣдателемъ уѣздной земской управы. Я вошелъ въ его канцелярію и сталъ излагать ему кратко, въ какомъ положеніи нахожусь. Что же, ты думаешь, сдѣлалъ со мною г. предсѣдатель управы? Не выслушавъ меня, какъ слѣдуетъ, онъ вскочилъ со стула и буквально вытолкалъ меня изъ комнаты, закричавъ: «Какъ смѣешь ты беспокоить *начальство*? Сказано тебѣ, что не будутъ выдавать вамъ денегъ до октября—и дѣлу конецъ!»

Жди, живи, чѣмъ хочешь, это не касается земской управы. Оскорбленіе нанесъ мнѣ тотъ, кто, первый, долженъ бы оказать поддержку! Но и этотъ фактъ и другіе подобныя же «терніи» моей жизненной дороги не заставили меня бросить учительство; я по прежнему работалъ съ усердіемъ. Матеріальныя страданія еще больше возвышали мою душу и заставили смотрѣть на свою должность, какъ на особый, святой подвигъ! Приду въ школу—и сейчасъ же все забуду. А вотъ лѣтомъ, когда я со школьниками пойду въ луга, въ поле для ботаническихъ или энтомологическихъ экскурсій,—придетъ ли тутъ на умъ моя горькая жизнь?!. До того ли тугъ, когда столько работы предстоитъ намъ?!. О, эти лѣтнія экскурсіи! Сколько пріятныхъ и свѣтлыхъ воспоминаній оставили онѣ для меня въ жизни!.. Жарко. На небѣ ни облачка. Лѣтнее полуденное солнце сильно накалило землю. Мутная рѣчка лѣниво катитъ свои мутныя воды между густыми кустами «осокори». Мы нагулялись, устали, поднявшись на прогулку еще съ утренней зарею... Съ цѣлымъ запасомъ разныхъ травъ и насѣкомыхъ спѣшимъ мы въ ближайшую тѣнистую рощу отдохнуть. Здѣсь, на свободѣ, каждый изъ дѣтей показываетъ, какое растеніе или насѣкомое онъ нашелъ; мы сообща опредѣляемъ его видъ, рассказываемъ о его жизни, и у насъ незамѣтно проходитъ цѣлый урокъ по естествовѣдѣнію... Останется еще время, поговоримъ про другое; кто-нибудь расскажетъ о своей жизни, или дѣти, собравшись въ кружокъ, запоютъ пѣсѣнки, или затѣютъ какія-нибудь игры... Я до страсти люблю дѣтей и часто самъ принимаю участіе въ ихъ играхъ... Надоѣло и пѣть, и играть... дѣти живо раздѣваются и кидаются въ рѣчку купаться. Вотъ раздолье-то для нихъ! Я сижу гдѣ-нибудь на пригоркѣ и люблюсь этой милой картинкой. Я люблю ихъ всѣхъ, какъ своихъ дѣтей. Вѣдь они—«розы» моей несчастной бѣдной жизни! Я далъ имъ свѣтъ просвѣщенія, любознательность... А какъ я знаю характеръ каждаго изъ нихъ!

Мнѣ ли бросить этихъ малютокъ исключительно ради того, что у меня нѣтъ сладкаго куска?! . . .

Да, полно, забудемъ всѣ эти житейскія непріятности! Посмотри, какъ вся эта деревенская дѣтвора привыкла ко мнѣ! Какъ жалко и тяжело для каждаго изъ нихъ разставаться со мною, когда они, по окончаніи курса, приходятъ въ школу получить свидѣтельство и проститься со мною.

Но я не теряю изъ виду своихъ учениковъ и по выходѣ ихъ изъ школы, постоянно поддерживаю съ ними связь, и они всегда заходятъ ко мнѣ въ школу—или спросить книжку, или просто поговорить со мной, посоветоваться о чемъ—нибудь житейскомъ... Часто, совсѣмъ уже взрослые, женатые, мои бывшіе ученики продолжаютъ ходить ко мнѣ и безъ моего совѣта не предпринимаютъ ничего важнаго въ своей жизни. Вотъ, если кто будетъ любить школьныхъ дѣтей и сумѣетъ привязать ихъ къ себѣ и къ школѣ,—повѣрьте, тому никогда не будетъ «скучно», и тотъ найдетъ въ своей жизни особый интересъ. Тогда мы невольно забудемъ свою горькую жизнь и никогда не бросимъ учительской должности. Тогда только мы будемъ истинными народными учителями и поймемъ свое назначеніе, а наша дѣятельность принесетъ обильные плоды. Въ томъ-то и дѣло, что большинство изъ насъ, учителей, думаютъ, что, научивши дѣтей читать и писать, представивши извѣстное число дѣтей къ экзамену,—они уже сдѣлали все свое дѣло. Но этого еще далеко недостаточно. Для истиннаго просвѣщенія нужна прежде всего горячая любовь къ дѣтямъ, преданность своему дѣлу, умѣнье привязать дѣтей къ себѣ и къ школѣ... Безъ этой любви къ дѣтямъ и къ своей дѣятельности, не слѣдуетъ никому и браться за учительство,—иначе такой учитель будетъ невольнымъ мучителемъ и себѣ, и дѣтямъ. Учитель—душа школы. Безъ учителя, искренно преданнаго своему дѣлу, школа будетъ гнилымъ трупомъ. Ошибается и начальство, когда требуетъ отъ учи-

теля, чтобы онъ только научилъ дѣтей грамотѣ и представилъ извѣстное число учениковъ къ экзамену. Оно думаетъ, что если учитель представилъ много дѣтей къ экзамену, то это хорошій мастеръ своего дѣла; мало представилъ или совсѣмъ не представилъ—плохой учитель. Вотъ почему, въ настоящее время, и земскія, и церковныя школы хотятъ перешеголять другъ друга *количествомъ дѣтей*, представляемыхъ ежегодно весною на экзамены. Какъ-то установилось ложное общественное мнѣніе, будто бы успѣхъ обученія въ данной школѣ можно опредѣлить по количеству выпускныхъ учениковъ или ученицъ. А какое вліяніе оказываетъ данный учитель на учениковъ, любятъ ли его дѣти, не теряютъ ли они связи со школою по выходѣ изъ нея,—объ этомъ никто не думаетъ, а, между тѣмъ, это-то и есть самое главное для успѣшнаго развитія народнаго образованія. У всѣхъ насъ еще въ памяти, бывшіе недавно, такъ называемые «холерные безпорядки», проявившіеся кое-гдѣ въ средней и южной Россіи. Нашлись тогда люди, которые стали обвинять народную школу въ бездѣйствіи,—будто она не выполнила своего назначенія въ дѣлѣ просвѣщенія народа... Сознавались тогда, что грамотныхъ много, но суевѣрій въ народѣ еще больше, признавались, что школа не развила въ питомцахъ правильнаго взгляда на природу и ея явленія, на общественную жизнь... А, между тѣмъ, причина-то здѣсь очень простая: много открыто за послѣднее время школъ разныхъ типовъ—и земскихъ, и церковныхъ,—всѣ спѣшили лишь бы кое-какъ научить дѣтей читать и писать, какъ можно больше представить ихъ къ экзамену, а самое-то главное и забыли: что дѣти въ школахъ *только научаются грамотѣ*, а не получаютъ никакого образованія. Ктò учитъ въ народной школѣ, какъ онъ ведетъ дѣло, способенъ ли онъ къ учительству, имѣетъ ли призваніе къ этой должности?—никто про это и не спрашивалъ.

Подумай-ка хорошенько, кто учитъ въ нашихъ народ-